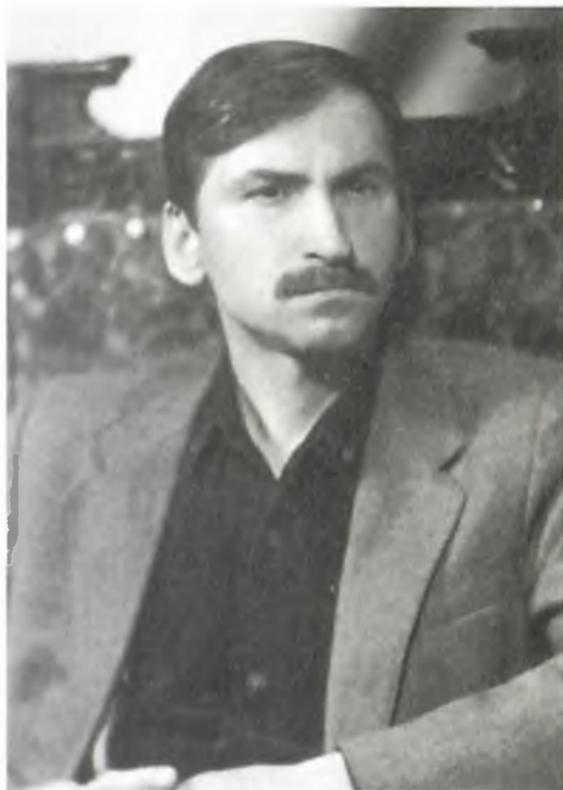

КІ 1348833

сс

ВОЛОГДА-XXI ВЕК

Владислав КОКОРИН
ЗА ДОЛГ И ЧЕСТЬ

местный обязательный экземпляр

«Вологда. XXI век»

Владислав КОКОРИН

ЗА ДОЛГ И ЧЕСТЬ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1 1348833

Вологда. 2002

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

Владислав КОКОРИН

Владислав Николаевич Кокорин родился в 1955 году в живописнейшем и прекраснейшем уголке Вологодчины, в деревне Шера Сокольского района. Находится она в верховьях реки Сухоны, почти под Кубенским озером. На этом месте Сухону запирает плотина и шлюз «Знаменитый». Есть местная легенда, что возводил эти сооружения еще при царе-батюшке не кто-нибудь, а писатель Вячеслав Шишков, автор «Угрюм-реки», служивший тогда в Управлении путей сообщения.

Закончив 8-летнюю школу, Владислав Кокорин уехал учиться в Вологду. После окончания профессионально-технического училища много лет работал на подшипниковом заводе. Отслужил «срочную» в Советской Армии. Благодарит судьбу за то, что «ветер странствий» не унес его дальше родного, богоспасаемого града. Хотя был и на Кавказе, и на Украине, и в Москве, где закончил Литературный институт.

В 1993 году Вологодской писательской организацией была подготовлена к изданию первая книга В. Кокорина «Три заклатья», а в 1995 году он был принят в Союз писателей России. Живет и работает в Вологде.

* * *

Вы мне предсказали давно золотую судьбу.
Но так получилось, вы рано ее предсказали.
Успехам моим позавидовать можно едва ли.
Успехи мои улетели, как видно, в трубу.

Сижу пред огнем. Залихватски стреляют поленья.
Веселые угли большой кочергой шевелю.
Угрюмые мысли не борются более с ленью.
В доме опустевшем не плачу теперь, не шумлю.

Приходит иное. С ветрами, над гулкой округой,
Тяжелые птицы летят и летят на жнивье.
А утром они загалдят и поднимутся к югу,
Сиротским для нас оставляя лесное жильё.

Летите себе. Дай вам Бог, окрыленные твари,
Не сбиться с пути, что назначен для вас на века.
Я выйду вослед, и в промозглой предутренней хмари,
Быть может, в крыло и моя превратится рука?

ВОЗРАСТНОЕ

Не смотри, моя родная, с укоризною.
Кто из нас, хотя бы в мыслях, не безгрешен.
Потихоньку обо мне ты все повызнала,
И глядишь теперь, как скворчик из скворешни.

Не пугайся, ведь не кот же я, блудилище,
Не зацапаю тебя когтистой лапой.
Малой птахой просто посиди еще
На моей ладони грубоватой.

Ох, не вовремя со мной все это деется,
Седина уж проклевала всю макушку.
Но склонилась ты ко мне, как в поле деревце,
И попал премудрый кот к тебе в ловушку.

Сердце глупое забилося не по-прежнему,
Глаз бесстыжих бы моих тебе не видеть.
Одуванчик твой, цветочек, душу нежную
Не сломать бы, не задеть бы, не обидеть.

Принял, принял я «поправочку по возрасту»:
Сердце дрогнуло, пора остепеняться.
И узорчатого девичьего пояса
Ни рукой, ни даже взглядом не касаться.

* * *

Не видели мы, как вдали поднялась непогода.
Не ведали мы, что вторженье ее заслужили.
В беспечном таком и безветренном времени года,
Подумаешь, птицы над нашею лодкой кружили.

То к солнцу взмывая, то снова скользя над водою,
Знобяще кричали отчаянным чаячьим криком.
Но так и не поняли мы, что в смятении природы великом
Смятенье встревоженной стаи чревато бедою.

И ветер ударил! И лодка метнулась на зыби!
И волны лихие забили с размаху в борты.
И рывкнул мотор, и помчал нас над смертною глыбью.
Эй, милая! Крепко ли держишься ты?!

Ты знать не могла, ты родилась в безводном районе.
Ты в страхе рыдала: Куда же ты, милый, куда?!
Ты знать не могла, что в воде никогда не утонет,
Лишь тот, кто умел не бояться ее никогда.

И рушились волны, и сила корежила силу.
И в реве природы казалось, что я не кричу, а пою!
И я победил: мы ушли от озерной могилы!
Но ты не простила жестокою смелость мою...

* * *

Бесчинство природы, прекрасно твое проявленье.
Свистящие ветры грохочут над домом моим,
Играючи гнут осененные снегом деревья.
И чудится мне — это мчится Отечества дым

Над силой бесчинства, по ветру, что стонет и плачет,
На русских равнинах вздымая колючую пыль.
О, сила природы, даруй мне судьбу наудачу,
Мы славную сложим о жизни и грозную быль.

ПОМИНАЛЬНЫЕ ДНИ

В поминальные дни привожу в целлофане рассаду
И сажаю цветы. И таскаю от речки песок.
Рассыпаю его, и светлеет квадратик ограды,
Веселей с обелиска родимый глядит образок.

Он вбирает в себя золотую небесную силу,
Чтобы было теплее живым у холодных могил,
Чтоб родная душа только в день похорон голосила,
Но потом от тепла набиралась невидимых сил.

Мы порою приходим сюда и смурны, и помяты,
И родные могилы находим порою не вдруг.
Заплутавши в аллеях, читаем фамилии... даты...
С недоверием смотрим в реестрики чьих-то заслуг.

Но находим родных, и зачем-то опять беспокоим,
Все пытаюсь решить окаянный какой-то вопрос.
Словно тайна сокрыта под этой могильной плитой,
И ушедший от нас эту тайну с собою унес.

В поминальные дни, приближаясь немного к разгадке,
Мы на столик железный пшеничное сыплем зерно...
Но слеза, что летит вместе с ним на могильную грядку,
Изымает из нас, то что нам осознать не дано.

ТРИ ЗАКЛЯТЬЯ

В. Ш.

Ты не шлейся один — говорю тебе первый зарок.
И тебя не ударят в глухом переулке кастетом.
Не поднимут за волосы тяжкую голову к свету,
Не ударят вторично, теперь уже точно в висок.

Ты не шлейся один, ибо дума твоя тяжела.
Ты друзей пожалеешь и с ними не будешь делиться.
Ты поведаешь думу случайным и взбалмошным лицам,
А они не прощают, пускай и невольного, зла.

Не влюбись без ума — вот второе заклятье мое.
Что мне муки твои? Ты оставь при себе свои муки!
Потому что не вынесет, даже недолгой, разлуки
Та, что все-таки сможет поверить в безумье твое.

А о третьем заклятии скажу лишь тебе,— и молчок!
Да, я знаю, как только его насекли на скрижалях,
Обвалились опоры, что эти скрижали держали...
За любым из осколков — былая твердыня!
Да, гремят эти камни по отчей земле и поныне.
Но!.. на каждом начертано кровью: «Контроль и учет!»

ТОСТ

А. Ц.

Они хотят войны? — Они ее получат.
Свидетель Бог, я мирный человек.
Но долг и честь и в наш порочный век
К достойным вопиют призывно и могуче.

За веком век — злодейская пора.
Увы, я не открою здесь секрета.
Но каждого из нас, поэта ль, не поэта,
Ждет Высший суд у смертного одра.

Что будем мямлить все мы пред Судом?
Ведь там не увильнуть, не отовратиться.
Как ни крутись, придется признаваться,
Что жизнь прожил ты форменным скотом.

За долг и честь! Не надо жалких слов.
Лишь эти два изречь набраться силы —
И не страшна сырая пасть могилы,
И ты опять к сражениям готов.

Бегите прочь, мою заслыша речь.
Пусть вас объемлет ужас и смятенье.
А если нет — то, Божьим провиденьем,
Рази, мой стих, рази их — словно меч!

За долг и честь! — Я повторяю снова,
Чтоб не проклясть прошедшие года.
Вы просите войны? — Так вот вам мое слово:
За долг и честь! К барьеру, господа!

ВОИНУ

Тыходишь в дом. Сложи оружие.
Тыходишь в дом — не воевать.
Здесь дети. Здесь отец и мать.
Садись с семьей за тихий ужин.
Ложись под вечер мирно спать.

Войне ты завтра будешь нужен.
Имей же, что в ней защищать.

* * *

Назвался народом? Живи... до упаду,
И вместе с народом рыдай.
На кладбище русском ты ляжешь как надо
Под крест деревянный, на край.

На тесном краю, у ограды погоста
По-разному каждый усоп,
Но здесь понимается ясно и просто
Корабликом вечности гроб.

На скромных могилках убранство простое
И нет золоченых оград.
К чему суетиться пред вечным покоем? —
Как будто они говорят.

Бунтует гордыня в любом человеке
Не дальше доски гробовой.
Вот здесь, на краю — ты с народом навеки,
И он здесь — навеки с тобой.

КВАСНОЙ ПАТРИОТИЗМ

Заморских жвачек не жую.
И пойла ихнего не пью.
Люблю продукцию родную,
Посконную и кондовую.

Шипучий квас — густой, ядреный.
Скрипучий, сочный огурец.
Под рюмку водки — холодец.
А то — ленивый голубец.
Пирог с грибами. Хрен мореный.
А не какой-то «гамбургец».

А то — вина из гоноболи!
А то — пивка на солоду!
А то — трещечки малой соли!
А то — морошки на меду!

.....

Да, патриотов нынче мало.
Вот холуев не сосчитать!
«С утра до вечера» жевать
Готовы все, что ни попало.

Мне никогда их не понять,
На жвачных сих смотреть мне грустно.
Жуют. Не могут прожевать
Эрзац-продукт. И врут, что вкусно.

И вроде не на что пенять.
Внучата тетушки Ламбады,
Они всегда чужому рады.
Да,— им и родины не надо,
«Хоть щас» готовы поменять.

Конечно, дело здесь не в квасе.
И жвачка — так, лишь повод мне

Всеядность заклеить вполне.
Помилуй нас, Господь наш Спасе,
Идут холуи по стране!

* * *

Засаеваем землю стронцием.
То-то будут нам «пары»!
Черт ли гонит нас, торопится
Ухайдакать в тартары?

Быль черна. Кому знамение?
Всем. Да не до всех «дошло».
И опять я слышу пение:
«До чего же весело!»

Сладко слушать ух-мотивчики,
Волос вить на бигуди...
А ведь это были взрывчики,
Взрывы будут впереди.

Говорят,— прогресс. Развитие.
Что же это за прогресс,
Если скот за речкой Припятью
Травку серенькую ест.

Эх, срублю избу кондовую.
Влезу с горюшка на печь.
Вас бы, ядерно-головые,
В том Чернобыле испечь!

* * *

Черен снег. Что вам нужно еще, господа урбанисты?
Вы Земле возвратили не семя от плода ее.
Под бетонной коростой, в запаянных тайных канистрах,
Для потомков созреет достойное предков «сырье».

Вы талдычите людям: «Мы сможем спасти человека»...
Только вряд ли достанет свинцовых на всех колпаков.
Потому что пеленки уже и двадцатого века
Пежит рыжая сажа, несомая «розой ветров».

От кислотных дождей облезают деревья в Европе.
Гербициды таятся в грудном молоке матерей.
Дети ловят в ладошки Чернобыля теплые хлопья.
И напитана ядом простая трава, сельдерей.

Ну так что же еще? Что вам нужно еще, урбанисты?!
Все ль содеяли вы, что предписано вам на Земле?
Опьяневший от смога, мечта сатанинские искры,
Призрак смерти витает в нависшей над Городом мгле!

ПОСЛАНИЕ МОСКВИЧАМ

*«Не будь на то Господня воля
Не отдали б Москвы».*

М. Ю. Лермонтов

Видать, на то Господня воля
Что взяли нехристи Москву.
На рыночном, безбожном поле
Пожнут, наивные, тоску.

Я верю: всю не захватили,
Им вся Москва не по зубам.
Но вас нахрапом притеснили
Почти к «отеческим гробам».

Но ты — москвич! Ты — русский! Крепко
Держись! И по Москве не плачь.
Не все продули на рулетке
Хлыщи — «москвачка» и «москвач».

Еще остались, да — остались
Под сердцем матушки-Москвы
И те, кто за нее сражались,
И те, кто будет, то есть — вы.

Держитесь, милые! Хоть криво
Косится суеверный тать.
Москва стояла третьим Римом,
Четвертому — не устоять.

Навеки сказано: «не быти».
Здесь — третий Рим. Иначе — смерть.
Земная не качнется твердь,
Покуда вы в Москве стоите!

СОН

Мне привиделось нынче во сне,
Что живу... в страусиной стране.

Свет возник в полуночном окне.
То держава пылает в огне!

Но никто на огонь не оглянется.
Прячут доллары в рваный носок,
Ну а голову, знамо, в песок...
Ничего!.. Что-нибудь да останется.

Полыхнул, загорелся песок.
Забурлила река, закипая.
Вал огня накатился, высок,
И пропала торчащая стая.

Я иду сквозь огонь налегке.
Божий гнев не касается нищих.
Вот уж пламя шумит вдалеке,
Оглянулся — ползут с пепелища!

Не горит это племя в огне.
А казалось — сгорели до шляпы!
Вот опять зашуршат по стране
Страусиные шустрые лапы...

Не кончается тягостный сон.
А они и во сне веселятся —
Раздобыли вина, патефон
И всю на руинах резвятся...

.....

Я стою над сгоревшей страной.
Сон ли это, родная держава?
Тишина... Только дым предо мной,
Да чумазая эта орава...

* * *

*Они щедры на пепелища
России мрачные лета.
Когда не кровь течет — кровища,
И нет на вороге креста...*

Нелегка ты, родная стезя,
Коли пепел летит на шеломы.
Коли кинули грады князья,
И холопы оставили дома.

Куликово ли поле в пыли?
То ли глазыньки застит от горечи?
Коли во поле том полегли
Все Добрыни, Ильи и Поповичи.

Коли вновь нам погибель пророча,
Черный воздух крылами пластая,
Поднимается стая за стаей
Воронье по славянские очи.

И все явственней, явственней помнится.
Время давнее ближе и ближе.
Вот я вижу Мамаеву конницу,
И сермяжное воинство вижу.

Мы идем в поредевших рядах,
Все теснее смыкаясь плечами,
С заклинанием на устах:
Нас не высечь кривыми мечами!

* * *

Сосед играет на гармони.
Играй, соседушка, играй.
Пуускай очнется и застонет
Мой поздний гость и, через край

Горячий чай переливая,
Пусть запоет тебе вослед
О том, какая вековая
У нас печаль. И сотни лет

Над россиянином довлея,
С его рожденья до креста,
Его души не одолеет
И не замкнет его уста.

А с каждым днем в той песне вещей,
Несущей горечи печать,
Она звучит ясней и резче,
И невозможно промолчать.

* * *

Зарастаю, зарастаю бороною.
По квартире по неприбранной брожу.
У окна стою, с лохматой головою,
До слезы во тьму полнощную гляжу.

Не видать во тьме ни зги, ни огонечка,
Только ветер стелет снежную постель.
Ох, лихая на дворе сегодня ночка.
Ох, коварна нынче матушка-метель.

Не меня ль она когда-нибудь поманит,
Да окружит где-нибудь среди могил?
Не за то, что я был грешен перед вами,
А за то, что я грехов не искупил.

А куда я шатаюсь по квартире,
Половицы хриплым хором мне поют:
Не отыщешь ты покоя в этом мире,
А найдешь ты только временный приют.

Мне хрипят они, щербатые, косые:
Он не зря, твой дом, и пуст, и кривобок.
Снова вспомнит мать родимая о сыне,
Да не выйдет встретить сына на порог.

Не меня ли ветром по свету носило?
Не упомянуть, где я не был или был.
Вспомянет, да зарыдает мать о сыне.
Только сын дорогу к дому позабыл.

* * *

Тебе говорят — твоё счастье под боком.
Оставь, дорогой мой, все лгут.
Ты знаешь — оно несказанно далеко,
И путь к нему тяжёк и крут.

Что счастьем зовем мы, наивные люди?
Вот эту синицу в руке?
А кто журавля ненароком добудет,
Что скажем о том чудеке?

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

1348833

Мы скажем, что он «оторвался от массы»,
Что жизнь его стала смешна.
Покуда он шлялся за птицей прекрасной,
Из дому сбежала жена.

Друзья отвернулись. Родня осторожно
Готовит измену ему.
И грустно тебе. И тоскливо, тревожно
С тобой журавлю твоему.

Вот-вот он ударит шальными крылами,
И сгинет в ночной окоем...
А жизнь тебя тотчас завалит делами.
И ты позабудешь о нем.

* * *

Закружила метель устюженская.
Вроде был я не промах и хват,
Но не вынес участия женского
И сбежал от него в снегопад.

Ошалевшая сила вселенская
Раскачала вокруг дерева.
Ах, метель ты, метель устюженская,
Да, девчонка, сорви-голова!

Ты откуда, такая красивая?
Чаровница, метельная дочь.
Совладать ли с твоею мне силою,
Пережить ли позорную ночь?

Ты кружила по садику частому,
Повторяла движенья пурги.
Словно птица в погоду ненастную
Все сильнее сжимая круги.

Было жутко от профиля птичьего
И от взмахов заснеженных рук.
Я не вынес страданья девичьего
И шагнул в этот бешеный круг.

Закружило, забило, завьюжило —
Разгулялась стихия окрест!
Знать, была ты бесценной жемчужиной
Изо всех поднебесных невест.

За тебя мне сражаться, лебедушка,
С этой силой уж было невмочь.
Но смирилась лихая погодушка,
Отдала мне метельную дочь.

* * *

Что же ты мне не сказала,
Что на улице пороша?
Что тончайшим покрывалом
Снег на лес и доли брошен.

Что прилежные снежинки
Щедро выткали окошко.
Одевайся, побежим-ка
Нашей памятной дорожкой,

Снег искрящийся взрывая,
Возмутив покойный сон
Обновившегося края.
Где ж ты... Где ж ты, дорогая?

Нет тебя... Я засыпаю
До счастливейших времен.
Сон идет. Все ближе, ближе...
Может, в нем тебя увижу?

* * *

Не зря так убивались соловьи.
Не зря играл в ветвях так шало ветер.
Кричала ты: Лови меня, лови!
Я пропаду, как эти соловьи!
Уйду, растаю, сгину на рассвете...

И волновались волосы, как ветви.
Глаза слепил безумный свет зари.
Дари меня себе, родной, дари!
Пускай закат от зависти сгорит,
А ты люби, люби — не говори,
За нас сегодня соловьи в ответе!

* * *

Надел все белое, как белая ворона,
Пошел гулять к себе в микрорайон.
Кругом бегут, кто чем обременен,
Как муравьи по улочкам района.

Легко на сердце, и легко иду.
Смотрите все на белую ворону!
Она несет безделия корону
Всем деловым пичугам на беду.

Житейщина! Остепенись,
Давай немного погуляем.
Порыв души незаменяем,
А жизнь,— она проходит, жизнь.

Мне тоже утром на работу.
Но за оградой соловьи
Поют, канальи, о любви,
За все невзгоды перелета.

Я им немного подпою.
Виват, артисты из-за моря!
За песню вольную свою
Мы уплатили взносы горя.

* * *

Прекрасен белый цвет. Да здоровствует зима!
Вокруг так мило все переменялось:
Исчезла грязь, назойливая сырость,
И по ночам не так крошечна тьма.
Зима. Давно желанная зима.

Ложится снег — неспешен, мягок, чист.
Ни ветерка. Душа не шелохнется.

И что-то в ней волшебное проснется.
И промелькнет волнующая мысль,
Что все на свете вечно остается,
И на любовь неистощима жизнь.

* * *

Танюша, давай почитаем стихи.
Ты все-таки едешь, и все-таки в Сочи.
Что значат слова среди всей чепухи,
Что мы натворили с тобой между прочим?

Что значат слова, не обретшие чувства?
И чувства, которые «просто слова»?
Быть искренней, девочка, все же искусство.
А все, что искусственно, так — полова.

Взгляни, как летят эти желтые листья,
Незримою силой влекомые с веток.
Вот также и мы через час разлетимся,
Два легких и быстрых, по белому свету.

Ты знаешь ли край, где сейчас уже иней
Хрустящей походкой выходит в поля...
Ты можешь ли знать, как больней и ранимей
С годами нежаркая эта земля?

Как нужно тепло ей и руки людские,
И как не хватает еще этих рук?
А ты мне про фрукты, про страсти морские...
Прощай. Не сердись. Я ведь северный «фрукт».

* * *

Итак, это было на вербной неделе,
Когда голубой нарождается наст.
Любовь повелела, весна ль повелела,
Но что-то заставило встретиться нас.

В прозрачном лесу, в этом ивовом царстве,
Мы слушали зовы подснежной воды.
Кто мог нам сказать о весеннем коварстве?
Кто мог ощутить приближенье беды?

И кто виноват, что искристой каплей
Осыпала нас, покачнувшись, сосна?
Мы этого сами с тобой захотели.
Не говори, что виновна весна.

Не говори, что за долгой разлукой
Забудется этот счастливейший бред.
А, может быть, он будет памяти мукой,
И неизвестно, на сколько там лет.

* * *

В Тотьму идешь, в гору идешь.
Из Тотьмы — летишь с горы!
А город хорош, на диво хорош,
В разгар весенней поры.

Сроду не видел такую сирень:
Кроны ее — терема.

Запах густой наполняет всклень*
Улицы, скверы, дома.

В зарослях диких, у старой скамьи,
Утром встречаю туман.
Нет, не покинут тебя соловьи,
Вечное древо-дурман.

Ветер. Бутоны качнулись волной.
Росно. Тревожно. Светло.
Волны сирени плывут надо мной.
Медленно солнце взошло.

Медленно подал гудок теплоход.
Медленно звук заглох.
Словно из темных дымящихся вод
Выдох донесся и вдох.

Ах ты сиреневый город-Тотьма,
Не ведаешь, где стоишь.
Сума не страшна, не страшна и тюрьма,
Когда на тебя поглядишь.

* * *

Люби меня, покуда я не твой.
И над тобой царит очарованье,
Когда меня впервые за собой
Поманишь ты. Так сладостно мечтанье
О не своем, не веданном почти...

* всклень — очень полно, с избытком.

Таясь в ночи, безмолвной и безлунной,
Я прокрадусь, взволнованный и юный,
В ваш чудный сад. И будет сад цвести!

И птицы будут плакать за рекою,
И звезды будут падать за плечо...
И, Боже мой, как сердце горячо,
Когда оно трепещет под рукою.

Но минет ночь. Ты скажешь: Я твоя.
На век, на век! — А хватит ли навеки?
(Они не зря сокрыты в человеке,
За сонмищем страстей,— загадки бытия.)

И если я упьюсь очарованьем,
И поклянусь на вечную любовь,
Кто скажет мне, оно родится ль вновь,
Погибшее сейчас,— взаимное незнанье?

* * *

Ты свари в той посуде, где «варишь» сейчас бигуди,
Мне свари, хоть какого-нибудь, окаянного зелья,
Чтобы больше не смог никогда я сюда приходить,
Чтобы тетушки в спину назойливо мне не глазели.

Чтобы запах твоих смоляных полуночных волос
Не тревожил меня, словно вопль, издаваемый выпью,
В том погибельном поле, где встретиться нам довелось.
Где я пил твою ласку, где травы стонали от рос,
Где любовь твою пил я. Казалось, вовеки не выпью!

Так поставь же скорей на огонь закопченный сосуд.
Так насыпь же в него все, чем сердце не в силах томиться.
Будет чаша сладка, та, что руки твои поднесут.
Пусть она захлебнется — насытая птица!

* * *

Бывать не могу на пустынном погосте.
Гнетет мою душу неведомый страх,
Когда восседают, как званые гости,
Угрюмые птицы на черных крестах.

Когда же огромной, роящейся массой
Взлетают они, опереньем шурша,
И громко кричат,— этот крик их ужасен.
Мне кажется, будто бы чья-то душа

Вот так, словно птица, от бренного тела
Поднявшись, в холодной кромешной ночи,
То бросится вниз, то взлетит ошалело,
То вьется над ним,— и кричит, и кричит...

* * *

В лесу весеннем что-то есть от осени.
Когда ветра, мокры и холодаши,
Былой листвы замызганные космы
Несут по лесу гулко и гудяще.

Но ты постой, родимая, постой,
Улягутся, как листья, наши страсти.
В такой холодной роще и пустой
Бежишь, а, может, вон, за тем кустом
Увидишь страсть угрюмой и мордастей.

К чему искать защиты у нагих,
Захлестанных и ветром иссеченных?
Когда весна идет, как обреченный,
К своей петле считающий шаги.

Уйдем, уйдем. Родимая, уйдем!
Дадим самой природе разобраться
Когда и что, чтобы и нам потом
Сюда прийти и глупо удивляться —
Какой зеленый, чистый, светлый дом.

* * *

Ты задумалась о чем-то,
Веки дрогнули твои.
Оба мы с тобой, девчонка,
Заплутавшие в любви.

Я сижу себе с бутылкой —
Как же в гости без вина?
Ах, не взглядывайте пылко,
Не сильней моя вина

Красоты боготворенной,
Вашей, дикой, красоты.

Вам, бывало, даже «ты»
Я говаривал смущенно.

Но теперь иное время:
У любви жестока власть.
Мы навластовались всласть,
И тебе она уж — бремя!

Ты боишься? Полно, полно!
Я не муж средневеков,
Не придумаю оков —
Разойдемся полюбовно.

Мне ль нужна твоя неволя?
Зря ты, милая, бледна.
Наливай-ка лучше, что ли,
И допьем... любовь до дна!

Вот сладчайшие из зелий:
Счастья, радости, любви,
Восхищенья и веселий!
Но молчат глаза твои...

Только зря: обидно мало
Этих зелий на земле,
Даже мудрым и удалым,
Даже видящим во мгле.

Знай — из горестного моря
Пить бы мы предпочитали,
Так давно б с тобою стали
Алкоголиками горя

и пропойцами печали.

* * *

Ты говоришь, что мне поздно и зряшно любить.
Ты говоришь, что права мы с тобой потеряли:
Слишком легко мы любовью с тобою играли,
Взрослые игры жестоки — отмщению быть!

Хлынет на нас, торопя расставание, дождик.
Крыши железные ропот поднимут под ним.
Будет клубиться из труб выползающий дым.
Будет мальчишка из форточки строить нам рожи.

Будет мне ветер распахивать полы пальто,
Будет в лицо мне швырять отсыревшие листья.
Дверь прогремит, но за ней не заплачет никто —
Слезы небесные, вы по любви пролилися.

* * *

Я Бога молю, чтобы ты не вернулась.
Уносится поезд. В окне мутноватом
Я видел, я видел, как ты отвернулась.
Я понял, что значил твой взгляд виноватый.

Счастливой дороги. Да сбудется это.
Газуй, машинист! На людское участие
Я честно солгу, как и в прошлое лето,
Что где-то и с кем-то случилось несчастье.

Не знаю... И знать не хочу, не желаю!
Что стал я кому-то досадной докукой.

Но перстень, твой перстень, в ладони сжимаю.
Он был талисманом — он жжет мою руку!

А поезд несется. Гремит, как корыто!
Мелькают узлы, чемоданы и ноги...
И в тамбур последний, свистящий, открытый
Я перстень бросаю... Счастливой дороги!

* * *

Когда-нибудь ты рассмеешься над глупым поэтом.
Что делать, родная, так много иллюзий в судьбе.
Откуда я знал, что в загложнувшем городе этом,
Увы, не один воспылал я любовью к тебе.

Век шпаги прошел, пистолеты ржавеют в музеях,
И даже кулак на обидчика я не поднял.
Счастливой любви пожелал я младому злодею,
За то, что отчаянно он и кудряв и удал.

Прощай, дорогая. Ведь все-таки счастье не в этом,
Чтоб в горькой любви отыскивать сладкий недуг.
Я счастлив и тем, что случилось все это не вдруг,
И смехом для вас обернулись все слезы поэта.

* * *

Ко мне пришел читатель рядовой,
Взъерошенный, в слезах, с дрожащими руками.
Я,— говорит,— простой мастеровой.
Я слесарь! — говорит. Но книжку со стихами

Я взял вчера. Написано «стихи».
Я думал раньше — пишут их поэты!
Но тот маляр, тот — плотник! Ну а этот,
Смешно сказать, — не вымолвишь: «архи»

Какой-то «вариус»! Чего он там «наварит»?
Пока читал, я потемнел с лица.
Маляр, так тот «малярит» и «малярит»,
А плотник «рубит», «рубит» без конца.

А дояр — потчует «стихами с молоком».
В стихах лесничего, ну как в лесу, плутаю.
Кузнец, тот больше все кувалдой, молотком.
Ну, а бухгалтера читаю, как считаю!

Я очумел, читая всех их скопом!
Страдалица, литература-мать!
Беда, коль за тебя возьмутся землекопы:
Зарюют так, что ввек не откопать!

«ВОЛОГОДСКАЯ ШКОЛА»

*«Вологодская школа» — державная школа.
Потому ей вовеки стоять.
Чтоб не мог отворотительный тать
Захватить ни земли и ни слова.*

Землю вспашу. Стихи напишу.
А за забором сразу: шу-шу...
Гляньте, сегодня не пашет.
Сел и хлебает кашу.
Люди-то пашут, а он — отдыхать.
Книжки читает, а мог бы пахать.

Выйду наутро, и ну — дерновину кромсать!
Ропшут халдеи: «Смотрите, не хочет писать».
Судят и рядят, что дескать, вот так и бывает:
Каждый своими руками талант зарывает.

Хают бездельники, труд зачисляя в грехи:
Всходы, мол, плóхи, и вирши плохí...
Но мы не сдаемся! — И пашем, и пишем стихи.

* * *

*В январе 2001 года Николаю Рубцову
исполнилось бы 65 лет.*

Рубцова у читателей... воруют,
Загнавшие его в кладбищенский приют.
Они всю жизнь талантами торгуют,
Теперь вот и Рубцова продают.

И шустрый шоумен, и пошлая певичка,
Эстрадно-инородные дельцы,
Они по сцене скачут по привычке.
Что им Рубцов? Платили бы «бабцы»!

Заплатят больше — станут петь псалмы
В заморской «туристической» палатке.
С них, вертопрахов, нынче взятки гладки.
А что же мы? Что замолчали мы?!

Он наш, Рубцов! И каждому из нас
Достались в жизни родственные муки,

(Не по законам рыночной науки
Под вездесущей лейблой «адидас»).

Твердили мы везде, всегда и всем,
Не признавая «интересов узких»,
Что сказанное «не совсем по-русски»
Как раз и есть нерусское совсем!

Так будь же гордым, русский человек!
Тебе дано вселенское призванье:
Родное слово сохранить навек
И защитить его от поруганья!

.....

Он говорил: вопрос совсем не в том,
Что мы уйдем из жизни быстротечной...
Но что-то в ней останется навечно.
Вот для того, наверно, и живем.

* * *

Жизнь всегда права

Она права — все реже удивленье
Приносит нам счастливые плоды.
Скупее жизнь, строптивей вдохновенье,
И все ценнее прошлого труды.

Но век велик. И тяжело наше право —
Над старой песней молча умереть.

Приняв свое бесплодие, как отраву.
И, как спасенье от бесплодия,— смерть.

Она права. Не каждому навек
Дается страсть и жаркое горенье.
Слаб человек. И смертен человек.
Но, видит Бог, бессмертно вдохновенье!

Так что́ нам скрип унылого пера,
И хмурый гимн прошедшему волненью.
Пройдем и мы, как жившие вчера,
Но будет путь иному поколенью.

СОДЕРЖАНИЕ

«Вы мне предсказали давно золотую судьбу...»	3
Возрастное	4
«Не видели мы, как вдали поднялась непогода...»	4
«Бесчинство природы, прекрасно твоё проявление...»	5
Поминальные дни	6
Три заклатья	7
Тост	7
Воину	8
«Назвался народом? Живи... до упаду...»	9
Квасной патриотизм	9
«Засеваем землю стронцием...»	11
«Черен снег...»	12
Послание москвичам	12
Сон	13
«Нелегка ты, родная стезя...»	15
«Сосед играет на гармонии...»	16
«Зарастаю, зарастаю бородою...»	16
«Тебе говорят — твоё счастье под боком...»	17
«Закружила метель устюженская...»	18
«Что же ты мне не сказала...»	19
«Не зря так убивались соловьи...»	20
«Надел все белое, как белая ворона...»	20
«Прекрасен белый цвет...»	21
«Танюша, давай почитаем стихи...»	22
«Итак, это было на вербной неделе...»	23
«В Тотьму идешь, в гору идешь...»	23
«Люби меня, покуда я не твой...»	24
«Ты свари в той посуде, где «варишь» сейчас бигуди...»	25
«Бывать не могу на пустынном погосте...»	26
«В лесу весеннем что-то есть от осени...»	26
«Ты задумалась о чем-то...»	27
«Ты говоришь, что мне поздно и зряшно любить...»	29
«Я Бога молю, чтобы ты не вернулась...»	29
«Когда-нибудь ты рассмеешься над глупым поэтом...»	30
«Ко мне пришел читатель рядовой...»	30
«Вологодская школа»	31
«Рубцова у читателей... воруют...»	32
«Она права — все реже удивленья...»	33

*Издание подготовлено к печати при поддержке
администрации Вологодской области*

20 = 00

КОКОРИН Владислав Николаевич

ЗА ДОЛГ И ЧЕСТЬ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *В. А. Плотников*

Художник *Э. В. Фролов*

Сдано в набор 11.01.2002 г. Подписано в печать 12.02.2002 г.
Формат 70×108/32. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,58.
Печать офсетная. Тираж 999. Заказ 86.

Вологодская писательская организация
160035, г. Вологда, ул. Ленина, 2.
ООО ПФ «Полиграфист», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

